

НАЧАЛО КОНЦА

КРИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ

ВЪ ЖИЗНИ

НАРОДА И СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ

ПАРТІИ

(Посвящается социалистамъ-народникамъ)

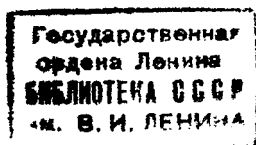
И. Борисовъ

Борисовъ

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «РАБОТНИКА» И «ГРОМАДЫ»

1881

11999-48

2007237606

НАЧАЛО КОНЦА

Слѣдя за тѣмъ, что совершается теперь почти во всѣхъ градахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества, невольно воспоминаешь то мѣсто во „Введеніи въ Исторію XIX вѣка“ Гервинуса, гдѣ авторъ говоритъ, что 80-ые годы столѣтій всегда отмѣчаются въ исторіи чрезвычайно сильными и глубокими соціальными потрясеніями и переворотами. Въ виду отчаяннаго, безвыходнаго экономического положенія страны, полнаго нравственнаго банкротства правительства и его безсилія бороться съ бѣдствіями, угнетающими народъ, крайне трудно отдѣлаться отъ той мысли, что въ словахъ знаменитаго историка заключается грозное пророчество для современной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, наступили роковые 80-ые годы и въ то же время Россія дошла до такого бѣдственнаго состоянія, хуже котораго нельзя себѣ и представить и которое дѣлаетъ совершенно неизбѣжнымъ безпощадную насильственную ломку всѣхъ существующихъ общественныхъ формъ. Едва ли кто нибудь хотя на минуту усомнится въ томъ, что въ жизни русскаго народа *долженъ* произойти теперь крутой переломъ, что мы живемъ наканунѣ великихъ событій, театромъ которыхъ станетъ наша родина.

въ самомъ ближайшемъ будущемъ, что уже наступило „начало конца“. Правда, давно уже миновала та пора, когда нашему „сѣятелю и хранителю“ не было голодно и холодно, давно уже на русской землѣ нельзя было найти такой „обители, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“... Но то былъ стонъ хотя и постоянный, и надрывающій душу, но стонъ тихій, полуподавленный, вызывавшійся такими пустяками, какъ крайняя нужда и непосильныя тягости, нисколько не тревожившій тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало, и переводившійся на официальный языкъ стереотипною фразою: „все обстоит благополучно“. Правда, и до настоящаго времени на общемъ фонѣ „благополучія“ рисовались въ видѣ черныхъ пятенъ такія досадныя подробности, какъ питающійся древесною корою сѣверный крестьянинъ, пухнушій отъ голода самарскій мужикъ, опустошительныя эпидеміи на скотѣ и на людяхъ, деревенскій обыватель, съ коломъ или вилами въ рукахъ оспаривающій у власти право сносить съ избенки крышу, уводить со двора послѣднюю коровенку за недоимки... Все это бывало и прежде, но бывало временами, полосами, имѣло мѣстный характеръ, могло объясняться случайностью или „недоразумѣніемъ“ и неособенно смущало власть, распоряжающуюся судьбами нашей родины... Назойливые „неотложные“ вопросы сдавались въ комиссіи и затѣмъ мало по малу предавались забвенію; для поправленія финансовъ прибѣгали къ займамъ, къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, къ государственнымъ лоттереемъ, измышляли новые налоги, практиковали смѣну министерствъ; начинавшее втихомолку ворчать и показывать изъ кармана кулакъ, общество успокаивалось общаніемъ реформъ, разныхъ льготъ и воль-

ностей; „внутренніе враги“ изводились тюрьмой, ссылкой, каторгой, висѣлицей; народу рекомендовались терпѣніе и порядокъ; въ случаяхъ жѣ „недоразумѣній“ посылались военныя команды, устраивались экзекуціи, стягивались въ томъ или другомъ районѣ войска; становые и исправники „понуждали“ народъ къ уплатѣ податей и недоимокъ; урядники „пресѣкали“ и „предупреждали“... Однимъ словомъ, все шло, если и не особенно хорошо, то и не особенно дурно. Какъ ни какъ, а жить представителямъ власти было можно, и если бы только не огорченія, доставляемые нигилистами, то имъ можно было бы даже сохранять и нѣкоторую веселость духа. Даже такое глубоко серьезное явленіе, какъ прогрессивное уменьшеніе платежной силы крестьянина, не въ состояніи было отрезвить нашихъ легкомысленныхъ правителей, вмѣстѣ съ Колупасвымъ упрямо твердившихъ про мужика: „йонъ доста-а-нетъ“!

При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, наши кормчіе, несмотря на зловѣщіе симптомы всеобщаго оскуденія и разложенія государственнаго организма, могли бы, пожалуй, наслаждаться такимъ „благополучіемъ“ еще многіе годы: вѣдь мужикъ, на которомъ покоится зданіе Россійской имперіи, отличается изумительною живучестью и не менѣе изумительнымъ терпѣніемъ и можетъ выносить громадное давленіе, если только это послѣднее нарастаетъ постепенно, мало по малу... Хотя все съ большимъ и большимъ трудомъ и все меньшею и меньшею правильностію, но „йонъ“ продолжалъ бы еще „доставать“ нѣкоторое время и тащить разсыпавшуюся государственную колымагу, нагруженную выжившими изъ ума помпадурами... Но вотъ наступилъ роковой 1880 годъ, явились